

Г. КОМАРОВА (Вологда)

Научный руководитель М. А. Вавилова

СВАДЬБА В КОКШЕНЬГЕ В ЗАПИСИ М. Б. ЕДЕМСКОГО

В фольклорном наследии М. Б. Едемского видное место занимает «Свадьба в Кокшенье», записанная им в 1895–1896 годах в деревне Рыкаловской Спасской волости Вологодской губернии. Она привлекла М. Б. Едемского своей оригинальностью и неповторимостью, несходством не только с отдельными обрядами севера, но даже с обрядами соседних уездов — Белозерского и Тотемского. Запись сделана подробно, точно, и ее по праву можно назвать классической записью свадебного обряда.

Академик В. И. Ламанский называет свадьбу драматическим представлением в несколько актов, с подразделением на действия, с множеством действующих лиц и переменой мест. Нельзя не согласиться с этим по отношению и к Кокшеньгской свадьбе.

Завязкой свадьбы является сватовство, а не знакомство невесты и жениха, Сват или сватья, из родственников более спытных, тактичных и речистых, приходят сватать. Родители невесты в ответ на это едут в дом жениха «смотреть место». Если они довольны хозяйством жениха и дают согласие, то в определенном порядке проходят последующие действия с нарастающей напряженностью.

Первое — это рукобיתье, или запоручивание, когда невесту благословляют, закрывают лицо платком, которого она не должна снимать до свадебного дня. (С этого момента невеста начинает и причитать).

Следующая композиционная часть свадьбы — «нидиля» (время с рукобיתья до дня свадьбы обычно неделя). Она называется по имени невесты «Сахина», «Машкина» нидиля. В течение этой недели девушки шьют дары, а невеста причитает, прощаясь с девичеством, соседями. Два раза на неделе, вечерами, невеста идет с подругами на «угор» (возвышенное место) и на поварню (где варят пиво) для прощания с родными местами.

Поэтически ярким, трогательным моментом является канун свадьбы — сватальный день, вечер которого называется «девичником». Приезд в дом женихов сопровождается мотивом

борьбы двух сторон за невесту: насильственное вторжение, купля места за столом, выкуп невесты.

Кульминационный пункт обряда — день свадьбы. Прощание невесты с символом девичества — красотой и передача отцом ее руки жениху. Невеста со слезами и частыми христаниями (т. е. падением на локти, со всего размаху) причитает, вызывая жалость и сочувствие присутствующих. 4Несколько раз выдергивает она свою руку от отца и возвращается к подругам. Напрасно невеста пытается выйти из-за стола, отталкивая сватью, отстоять девичью независимость.

Не у вас-то в дому хожу,
Не за вашим столом сижу,
Не ваш-то хлеб кушаю
И не вас топерь слушаю, 1)

— причитает она, но ее удерживают и сажают на место.

Из дома невесты поезд отправляется в церковь, чему предшествуют душераздирающие вопли невесты. Затем наступает перелом: невеста больше не плачет и ни один причет не входит в остальные сцены.

От венца в доме жениха молодых встречают с хлебом и солью. Соединение молодых после свадебного пира является развязкой, разрешающей коллизию драматического свадебного действия.

Послесвадебные церемонии — хлибины и процессье — выполняют роль послесловия.

Кокшеньгская свадьба переполнена тоской, печалью и грустью. М. Б. Едемский в ходе свадьбы нередко делает такие замечания, как «Плачут все бабы и девушки»²⁾ или «Плачут все присутствующие в избе»³⁾. О невеселом ладе свадьбы свидетельствуют и жанры, входящие в обряд. На протяжении двух-трех недель можно услышать только причеты невесты, если не считать нескольких величальных песен, заговоров и приплачек (приветственных слов, выпричитываемых поезжанам). В обряд не входят ни одна свадебная песня, ни приговорки, ни загадки, которыми так насыщена Белозерская свадьба.

В свадебных обрядах каждое участвующее лицо, исполняя свою роль, должно считаться с характерными для нее чертами, заданными традицией, трудно бывает отделить чувства, заданные традицией, и личные чувства участников игры. Между тем, Кокшеньгская свадьба, наряду с включени-

ем традиционных черт, отличается от других свадеб большей реальностью изображаемого, искренностью чувств, совпадением основных действующих лиц с их художественными характеристиками.

Невеста-красавица рисуется в причетах как красная девица, молодешенька, у нее белое лицо, очи ясные, брови черные. Символы, обозначающие невесту, дополняют этот портрет: лебедь белая, цвет лазуревый, ягодка. В один из дней недели она идет с подругами на деревню причитать. Едемский замечает: «Невеста без всякого теплого наряда, в одном крашениннике» ⁴⁾. Или вот она после бани: «Вычесывает голову и заплетает хвост (косу). Одета запросто» ⁵⁾. Один из причетов подчеркивает, что она крестьянка.

Да всю работку-то робила,
Да насквозь весны-те красные
Я орала, боронила
Да угороды городила,
Да наскрозь весны-те красные
Да в избу не заходила ⁶⁾

Об этом свидетельствует и поведение невесты. «Ой, не хочу, не надо вино! То же не пойду, отказывайте!» — кричит невеста и ревит во всю мочь» ⁷⁾, — замечание Едемского во время «рукобитья». А вот она на неделе вечером говорит уходящим подругам: «Дивишы, завтра, Христа ради, пораньше приходите, пошлю кого-нибудь, так приходите, не дожидайтесь дровово-то зова ⁸⁾».

Много неестественного в чувствах, заданных традицией. Едемский пишет: «...истекшим летом 1908 года мне приходилось наблюдать свадьбу, где невеста выходила против воли родителей, но тем не менее, она хрясталась так, что вся изба вздрагивала» ⁹⁾. Горе, тоска — основное содержание причитаний.

«Мои белы-те рученьки
От сердца отвалилися,
Головка с плеч покатиласе» ¹⁰⁾.

Или:

Где-ка я походила,
Где-ка я постояла,
Да горьких слез поронила,
Тут расти да псырасти
Яблоня кудреватая ¹¹⁾.

Искренние чувства, между тем, заслоняют традиционные, передавая их реальность через настроение присутствующих.

Когда невеста падает в ноги отцу-матери и в отчаянии причитает:

Да пришли-ко мнс, господи,
Мне-ка, скорь-ту тяжелую,
Да и смертку-ту скорую», — 12).

то все девки и бабы в избе плачут. На неоднократное повторение отца наряжаться «перед стол», невеста обращается к нему:

Схожо красное совнышко
Да мой кормилец — ты, батюшко,
(обнимает отца),
Далеко ли сряжатися? 13).

В избе в этот момент все плачут. Бабы говорят, пригорюнившись и сквозь слезы: «Последний раз девушкой наряжаться».

Жених — самое пассивное действующее лицо. Он все делает по указанию свата и сватьи, которые ведут весь обряд, угощают от имени жениха. Он погубитель, разоритель чужуженин, у которого:

Из посуды-то медные —
Крест да пуговица,
Из скота-то рогатого
Торокан да жужелица 14).

Величальные песни прославляют только невесту.

Свадьба в Кокшенье в целом ряде случаев отражает глубокую старину. Мы видим и остатки умыкания, и купли-продажи, сватовство начинается со слов: « У вас есть товар, а у нас купец» 15), приезжают за невестой поздно вечером, а приехавших встречают враждебно, заперев все двери и выходы, с причитанием:

Наскакали да наехали
Злы татары-те сьидники
Да людоеды-разбойники 16).

Не на шутку считаются с возможностью подмены и подвохов. Приехавшие сидят в полной одежде, в шубах и тулугах, со своим угощением. Неизбежны обрядовые употребления воды, сена и пр. Уподобление в причетах жениха соколу, невесты лебеди, шуке, упоминание искусственных преград: реки широкой, «ограды железной», замков немецких — все указывает на сохранение пережитков древнеславянского брака.

Кокшеньгская невеста не чувствует себя во время свадебной игры женщиной, которой путь от кутн до порога:

Не возношусь не родом, не племенем,
Только возношусь да я своим
умом-разумом,

— причитает она ¹⁷⁾).

Из воли отповской она перейдет в волю чужа-чуженина, и как бы она ни плакала — воля отца осуществится, но нежелание подчиниться, потерять девичью волю сквозит в причетах:

Я не служка-та верная,
Тебе не заменка-та крепкая.
Уж не надейся-ко, чуж-чужень,
На меня-то на скотницу
Да на вековичну работницу ¹⁸⁾).

В сватальный день, часами приходится стоять свату перед невестой с вином, а она в это время причитает:

Т любив-жо высватывать, ●
Так любн-жо постаивать ¹⁹⁾).

Не менее четырех-пяти раз приходится сватье и свату повторить просьбу: вывести невесту перед стол, кланяясь при этом «в пояс». Не возьмет она стакан вина, который держит на подносе жених, если он протягивает его через стол, а не подходит к ней.

Долго заставляет стоять жениха с пряниками и деньгами перед ней, причитая:

Это шо за купечество,
Да шо за богачество,
Не задаток ли задаешь
Да не в казачихи ли наймуешь,
Я задатку-ту не возьму
И в казачихи-те не пойду ²⁰⁾).

На основе наблюдений, мы делаем вывод: свадьба в Кокшеньге стоит особняком от обрядов Севера. Едемский находит заметное сходство в содержании причетов, в соотношении композиционных частей только с обрядами Новгородской губернии и Шенкурского уезда Архангельской губернии. Это можно объяснить причинами исторического порядка, связыва с заселением Кокшеньги жителями из этих губерний.

Примечания:

- 1) М. Едемский. Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда Вологодской губернии, Спб, 1911, стр. 117.
- 2) Там же, стр. 73.
- 3) Там же, стр. 94.
- 4) Там же, стр. 39.
- 5) Там же, стр. 52.
- 6) Там же, стр. 86.
- 7) Там же, стр. 15.
- 8) Там же, стр. 29.
- 9) Там же, стр. 16.
- 10) Там же, стр. 79.
- 11) Там же, стр. 45.
- 12) Там же, стр. 57.
- 13) Там же, стр. 73.
- 14) Там же, стр. 19.
- 15) Там же, стр. 14.
- 16) Там же, стр. 63.
- 17) Там же, стр. 65.
- 18) Там же, стр. 20.
- 19) Там же, стр. 68.
- 20) Там же, стр. 80.

И. СМИРНОВА (Вологда)

Научный руководитель М. А. Вавилова

**ОТГОЛОСКИ КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДОВОЙ
ПОЭЗИИ В ТАРНОГСКОМ РАЙОНЕ
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

Хороводные игровые песни — остатки некогда богатой календарной поэзии Тарногского района. Как утверждает М. Б. Едемский¹⁾, хороводные игровые песни — отголоски календарных обрядов, связанных с кругом земледельческих работ и праздников, имеющих магический характер. Воздействием на духа земли, на природу силой магического слова народ стремился достичь плодородия почвы, большого урожая, счастливой жизни. Поэтому в хороводных игровых песнях прославлялась идеальная жизнь.

В Тарногском районе обряды были характерны для зимнего и весенне-летнего периода календаря. Но не все хороводные игровые песни носили обрядовый характер. В. И. Чичеров замечает, что некоторые из них не относятся к числу об-